

Владимиров Е.В. К.В. Иванов и русская литература : [о преемственности литератур на основе анализа произведений] / Е. В. Владимиров // Классик чувашской поэзии : сб. ст., посвящ. 75-летию К. В. Иванова. — Чебоксары : Чуваш. кн. Изд-во, 1966. — С. 93-110.

Е. В. ВЛАДИМИРОВ,
кандидат педагогических наук, доцент

К. В. ИВАНОВ И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Раскрытие проблематики и идейно-художественного своеобразия творчества К. В. Иванова требует изучения его поэтического наследия не только в связи с социально-экономическими и культурно-историческими условиями развития чувашского народа, но и во взаимосвязи с другими литературами. В данной статье разбираются связи творчества Иванова с русской литературой.

В работах чувашских литературоведов имеется немало указаний на эти творческие связи, но обычно они показываются путем нахождения аналогий у К. Иванова и русских поэтов и констатации влияния того или иного русского поэта на классика чувашской литературы. Так, например, Яков Ухсай находит близость Иванова к Пушкину «в обрисовке характера и портрета Нарспи»¹, ссылаясь на описание внешности Нарспи и Марии («Полтава»). Отмечая «присутствие могучего протестующего духа Лермонтова в поэзии Иванова»², Я. Ухсай правильно находит общее в народности их творчества. Но, указывая на обращение Иванова к романтическим приемам, он неубедительно сопоставляет его трагедию «Раб дьявола» с поэмой Лермонтова «Демон», совершенно отличной по идейной целеустремленности. Литературовед И. Н. Сутягин без достаточных оснований сопоставляет Нарспи то с пушкинскими

¹ Я. У х с а й. Русская литература и Константин Иванов. В кн. К. В. Иванов. Чебоксары, 1941, стр. 36.

² Там же, стр. 33.

Татьяной и Марией («Полтава»), то с горьковской Раддой, а Мигедера — с Гордеем Карпычем («Бедность не порок» А. Н. Островского)³. Он отмечает «плодотворное влияние на творчество Иванова... Пушкина, Лермонтова, Кольцова, Некрасова, Шевченко и Горького»⁴. Однако то, в чем это проявилось, им не раскрывается. Проф. М. Я. Сироткин говорит о созвучности взглядов Иванова и Некрасова на женщину, но эта правильная мысль в статье⁵ не получила развития. Критик В. Долгов настойчиво утверждает, что в период создания знаменитой поэмы «Нарспи» К. В. Иванов не мог не читать стихи и поэмы Некрасова о женщинах, потому что близость Некрасова к нашему народу по своей тематике, по мыслям и думам К. Иванов хорошо чувствовал, правильно понимал⁶. Однако критик дальше констатации этой мысли не пошел.

Такое исследование вопросов взаимосвязей литератур, ведущее иногда к ошибочным и случайным результатам, нужно признать недостаточным. Вот что пишет об этом известный литературовед Г. И. Ломидзе. «По каким приметам иногда устанавливают факт взаимодействия национальных литератур? Берется творчество одного или двух крупных художников слова... даже не творчество, а отдельные мотивы, — характеры, идеи, и прикладываются к объекту исследования... Отдельные исследователи до сих пор изучают действие закона взаимосвязей и взаимодействия литератур односторонне. Они ищут параллелизмы в творчестве рассматриваемых писателей, ищут простое совпадение мотивов, сюжетов, характеров, образных ассоциаций, видя именно в этом подлинные образцы взаимодействия. Было бы несправедливо говорить, будто вопросы творческого общения разноязычных литератур решаются только так»⁷.

При решении вопроса влияния русской литературы на творчество того или иного чувашского писателя

³ См. И. Н. Сулягин. К. В. Иванов — основоположник и классик чувашской литературы. Чебоксары, 1946, стр. 33, 35.

⁴ Там же, стр. 11—12.

⁵ Газ. «Красная Чувашия», 1946, 242.

⁶ В. Долгов. Некрасов и чувашская литература. Альм. «Родная Волга», 28, стр. 100.

⁷ Г. И. Ломидзе. Проблемы взаимодействия литератур народов СССР. В сб. «Взаимосвязи и взаимодействие национальных литератур», АН СССР, М., 1961, стр. 142.

необходимо учитывать своеобразие исторического пути развития и взаимоотношения чувашского и русского народов «Литературное влияние часто связано с глубочайшими общественно-идеологическими процессами,— пишет И. Неупокоева.— Поэтому вопрос о литературных влияниях может решаться нашей наукой только на самом широком историко-общественном фоне»⁸. Рассматривая вопрос о русско-чувашских литературных связях, мы говорим не столько об отдельных сходных моментах, аналогиях, что может часто встречаться в литературах, сколько об освободительном и гуманистическом пафосе русской литературы, имевшим большое значение в формировании и развитии чувашской литературы. В плане освоения этих традиций, а также развития реализма и овладения мастерством в создании типических образов К. В. Ивановым изучаются нами его связи с русской литературой.

К. В. Иванов внес огромный вклад в развитие дореволюционной чувашской литературы. Он был выразителем свободолюбивых стремлений народа, страстным проповедником новых отношений между людьми, борцом против косности, всего отсталого в жизни своего народа.

Активная творческая деятельность К. В. Иванова падает на 1906—1908 гг. Его литературная деятельность была весьма короткой, но то, что создано им, до сего времени является украшением чувашской литературы, образцом высокой требовательности к себе, проникновенности в жизнь народа, понимания его интересов и желаний. Вот почему его произведения любимы народом, волнуют, доставляют истинное наслаждение.

Выступлению Иванова в печати предшествовал его упорный труд над рядом оригинальных и переводных произведений. Так, например, он в 1906—1908 гг. переводил русскую революционную песню «Вставай, подымайся», народную песню «Дубинушка», поэму Лермонтова «Песня про купца Калашникова» и другие его стихотворения, писал комедию «Водка», повесть «Старуха Прта», делал наброски рассказов «Бедняжка»,

⁸ И. Неупокоева. Изучение взаимосвязей и взаимодействия литератур. Журн. «Дружба народов», 1960, 3, стр. 211.

«Борода Фролки», стихотворений «Думы старого леса», «Осень» и др. К сожалению, не все из его оригинальных произведений дошли до нас.

Переводческая деятельность под руководством просветителя чувашского народа И. Я. Яковлева была для Иванова большой школой. Она значительно расширила кругозор молодого поэта, сыграла большую роль в формировании его демократического мировоззрения и в совершенствовании его поэтического мастерства. Внимание К. Иванова-переводчика привлекали произведения русских писателей, близких ему по духу, по своим взглядам на мир, на народ. Такими писателями для К. В. Иванова были М. Ю. Лермонтов, А. В. Кольцов, Н. П. Огарев и Н. А. Некрасов. В творчестве этих писателей К. В. Иванов находил отклик своим чувствам и настроениям, которые он переживал в условиях наступившей реакции. Изображение жизни трудового народа, демократических слоев общества в произведениях этих писателей было близко К. Иванову.

В прогрессивной русской литературе XIX века Иванов находил примеры стойкости и мужества в защите свободы и человеческого достоинства, образы борцов против тирании, самодержавия. Не случайно поэта привлекала поэзия Лермонтова, Некрасова, которые в немеркнувшем ореоле доблести и мужества дали образы борцов за свою свободу и независимость. Образ бунтаря, рвущегося в гущу битвы, жаждущего бури, ярко нарисованный в «Парусе» М. Ю. Лермонтовым, был близок К. В. Иванову в 1907—1908 гг. своими свободлюбивыми порывами, отрицанием затхлой действительности.

Переводческая работа К. В. Иванова, которая шла параллельно с работой над оригинальными произведениями, оказала влияние на характер его творчества, идейно-художественное своеобразие его произведений.

Творческие успехи К. В. Иванова являются результатом хорошего знания им жизни народа и действительности того времени; он правильно определял роль устного народного творчества в развитии чувашской литературы, значение учебы у русских писателей-классиков. Таким образом, творческие достижения К. В. Иванова необходимо рассматривать не только как результат его личной талантливости, но и как след-

стве предшествующего развития чувашской литературы, плодотворного влияния русской литературы.

Ко времени появления в печати замечательной поэмы «Нарспи» в чувашской литературе уже имелись произведения, правдиво отражающие безвыходно трудную жизнь, темноту и суеверие чувашского народа, его зависимость от сельской администрации. Правдивые образы крестьян были созданы М. Ф. Федоровым и М. Ф. Акимовым. Но литература доивановского периода не создала еще сколько-нибудь художественно завершенного, живого характера с присущими ему сложными противоречивыми чувствами. Эту задачу выполнил только Иванов.

Успешное решение этой проблемы Ивановым было бы немыслимо, если бы он ограничивал себя рамками достижений национальной культуры. Поэт вобрал в себя не только весь опыт своих предшественников, но и стремился к овладению реализмом классиков мировой литературы. Биографы Иванова, а также современники, лично знавшие его, отмечают его большой интерес к творчеству Пушкина, Лермонтова, Кольцова, Гоголя, Некрасова, Л. Н. Толстого. Из зарубежных писателей поэт особенно любил читать произведения Гете, Гейне, В. Гюго и др.⁹ Примечательно, что комната в Симбирской чувашской школе, где жил Иванов, была сплошь завешена портретами русских писателей собственной его работы.

К концу XIX века русская литература приобрела всемирно-историческое значение, а творчество одного из гениальных мастеров критического реализма Л. Н. Толстого, по выражению В. И. Ленина, явилось «шагом вперед в художественном развитии всего человечества». Эти успехи были достигнуты русской литературой благодаря тому, что она, по словам А. М. Горького, была «сильна своим демократизмом, своим страстным стремлением к решению задач социального бытия, проповедью человечности, песнями в честь свободы, глубоким интересом к жизни народа, целомудренным отношением к женщине, упорными поисками всеобщей, всеосвещаю-

⁹ См. Воспоминания М. Д. Трубиной, Г. И. Ильина и др. в кн. «Славный сын чувашского народа». Чебоксары, 1960.

щей правды»¹⁰. Эти традиции русской литературы, переплетаясь с традициями устного поэтического творчества малых народов, получали развитие в их литературах, определяли характер и направление последних.

Огромным завоеванием великой русской литературы XIX века является критический реализм, осуждавший крепостничество и его остатки, буржуазно-капиталистические порядки, антинародный государственный строй. Одной из величайших заслуг критического реализма является постановка и решение им проблемы освобождения личности. Еще в конце XVIII века писатель-революционер А. Н. Радищев, в творчестве которого много элементов критического реализма, гневно выступил против крепостничества, обезличивания человека крепостниками-помещиками. В стихотворении, написанном по пути в Сибирь, Радищев, выражая непреклонность своего духа, восславил свободного человека, человека-борца:

Я тот же, что и был и буду весь мой век:
Не скот, не дерево, не раб, но человек.

Прославление свободного человека, его гражданских доблестей, человека-творца «общей пользы» как один из главных мотивов творчества Радищева подхватывается его последователями — «радищевцами», которые стремились показать человека как «лучшее создание природы» и «зизждителя вселенной», прекрасные духовные способности которого подавляются рабством и деспотизмом. Эта гуманистическая тема творчества Радищева проходит через всю русскую литературу XIX века, в зависимости от исторических условий получая своеобразное решение в творчестве почти каждого писателя. Она была одной из волнующих проблем и в литературе конца XIX и начала XX веков, когда в стране возникает новый подъем общественного движения, возглавляемого пролетариатом, а в буржуазном искусстве наметились упадочные настроения, пессимизм, неверие в человека. Выразителями панических настроений, как известно, выступили декаденты. Человек в их представлении не в состоянии найти правду, ему свойственно необъяснимое, стихийное чувство. В определении человеческой

¹⁰ А. М. Горький. Литературно-критические статьи, 1937, М., стр. 129.

природы был близок к декадентам и Леонид Андреев, по мнению которого человеку свойственны звериные инстинкты, руководящие его поведением.

Иначе подходили к решению проблемы человека писатели-демократы, руководимые М. Горьким и группировавшиеся вокруг издательства «Знание». А. М. Горький начал свой творческий путь возвышенной мечтой о свободном человеке. Он не мог не видеть угнетения народа «хозяевами жизни», уродующих человека «свинцовых мерзостей» капитализма. С первых шагов своей литературной деятельности Горький выступает против хищничества буржуазии, пошлости мещанства и всего собственнического мира. Эти темы являются главнейшими в раннем творчестве М. Горького, они же определяют и основное содержание произведений зрелого Горького. В ранних романтических произведениях М. Горького большое место занимает идея возвеличения человека, его деяний, вера в его разум, в его неустанный порыв к свободе. Писатель создал образы людей из народа, презирающих рабью приниженность, стремящихся к вольной жизни («Старуха Изергиль», «Макар Чудра», «О маленькой Фее и молодом чабане» и др.). Подобно Радищеву, Горький провозглашает гимн человеку-творцу, человеку-созидателю, преобразователю жизни. В поэме «Человек» он писал:

«Затерянный среди пустынь вселенной, один на маленьком куске земли, несущемся с неуловимой быстротой куда-то в глубь безмерного пространства, терзаемый мучительным вопросом — «зачем он существует?» — он мужественно движется вперед! И — выше! — по пути к победам над всеми тайнами земли и неба».

Величие человеческих дел, подвиги, доступные только человеческому разуму, достойны, по мнению Горького, восхищения и воспевания. Устами Сатина, героя пьесы «На дне», Горький призывает к освобождению и уважению достоинств человека:

«Человек — вот правда! Человек — свободен... Человек! Это — великолепно! Это звучит... гордо! Че-ло-век! Надо уважать человека!»

Призыв М. Горького к уважению человека и возвеличению его бессмертных дел находит последователей среди писателей-«знаньевцев». Например, А. И. Куприн в рассказе «Гост» поет хвалу человеку-творцу, его бессмертному уму:

«Слава единственному богу на земле — Человеку. Возводим хвалу всем радостям Его тела и воздадим торжественное великое преклонение его бессмертному уму».

Вопрос о роли и назначении человека особенно остро стоял в литературе и жизни в годы пролетарского периода русского освободительного движения. Важность и современность постановки его очевидны. Нарастающая из года в год борьба рабочего класса и крестьянства за свободу открывала перспективу освобождения угнетенных народов из-под гнета царизма. Поэтому проблема роли и назначении человека переходила за рамки русской литературы и занимала мысли и думы выдающихся писателей братских народов, в том числе и чувашских писателей того периода. Вопрос о назначении человека чувашские писатели-демократы понимали в духе передовых русских писателей. Поэтому чувашским писателям-демократам, уверенным в скором освобождении своего народа, в современной им русской литературе ближе всего были произведения М. Горького, В. Короленко, А. Куприна и других писателей-демократов, которым был дорог человек, его свобода, его возможное на земле счастье. Не случайно, нужно полагать, сотрудник газеты «Хыпар» писатель М. Акимов переводил поэму М. Горького «Человек» и принимался за перевод пьесы «На дне», в которых высокой оценкой отмечено назначение человека в прогрессивном развитии общества.

Произведения М. Горького пользовались тогда большим успехом у чувашской молодежи, они «находили особый отклик... в среде угнетенных националов, ибо они призывали к борьбе за свободу, за человеческое достоинство»¹¹. Вспоминая об огромном влиянии его произведений на молодежь, участник трех революций М. Г. Булочников писал:

«Еще тогда я впервые услышал его имя, а несколько позже, в 1905 году, в Орининском революционном кружке мы читали вслух о гордом Соколе, о Буревестнике, о прекрасном Данко, отдавшем людям свое сердце. Гордые, сильные, мятежные герои Горького волновали, звали к борьбе. Хотелось жить для людей, быть им полезным, самому стать сильным и смелым. Произведения

¹¹ Д. П. Петров-Юман. Горький и чуваша. Журн. «Натиск», Н.-Новгород, 1935, № 3, стр. 71.

Горького помогали нам в те годы лучше понять жизнь и свое место в ней, связать с действительностью ту правду, которую мы узнавали из нелегальной литературы»¹².

Человек, его бессмертные творения, его сила и разум были предметом раздумий и молодого Константина Иванова. Понимание им места и назначения человека делает его преемником гуманистических традиций русской литературы. Подобно им, восхищаясь разумом и силой человека, Иванов писал:

Нет сильнее человека
Во вселенной никого:
Он на суше и на водах
Стал хозяином всего¹³.

Эти слова, сказанные в условиях черной реакции, наступившей после подавления революции 1905—1907 годов, вселяли уверенность в будущем, веру в преобразование жизни трудовым человеком. Однако, хорошо понимая творческие возможности человека, К. В. Иванов не мог не придавать значения силам, уродующим прекрасную человеческую природу. Поэтом, возвеличивая разум и силу человека, он тут же напоминает, что в тогдашнем обществе человек не в состоянии вполне проявить себя, находится в зависимости от нравственных правил, норм и привычек, которые установлены в этом обществе:

Но владыка мира, миру
Человек покорен сам,
Светлый разум омрачает
Страсть его к вину, деньгам.

Во имя человека-творца, во имя его свободы обличая такие пороки, как страсть к спиртным напиткам и деньгам, привитые народу собственническим миром, Иванов резко выступает против консерватизма и суеверия в быту народа, против ослепляющей страсти к обогащению. В набросках трагедии «Раб дьявола» приемами романтической поэзии поэт развенчивает собственнические инстинкты братьев, губящую челове-

¹² М. Г. Булочников. Записки участника трех революций Чебоксары, 1961, стр. 4.

¹³ Все цитаты из поэмы «Нарспи» приводятся в переводе народного поэта Чувашии П. Хузангая.

ка страсть к деньгам, а в поэме «Нарспи» эта проблема решается через реалистические образы.

Поэма «Нарспи» имеет традиционный сюжет, распространенный в дореволюционной чувашской литературе и в устном народном творчестве: сын бедняка и дочь сельского богача любят друг друга, но родители девушки не считаются с ее чувствами и, желая «осчастливить» свою дочь, выдают ее за богатого, обычно старого жениха. Тема любви бедного крестьянского парня к дочери сельского богача под пером К. Иванова звучала по-новому. Если у предшественников Иванова эта тема разрешалась в чисто бытовом плане, то лейтмотивом поэмы «Нарспи» является разоблачение косности, эгоистической морали собственнического мира, утверждение права бедняков на равные взаимоотношения со всеми людьми. Мир, основанный на власти денег, является объектом критического изображения поэта. В чувашской литературе никто до Иванова с такой силой и художественной убедительностью не показал губительной страсти к деньгам. В критике собственнического мира К. Иванов показал себя как продолжатель демократических традиций русской литературы XIX века. Эта критика тесно связана с проблемой эмансипации женщины; тема эта в творчестве К. Иванова занимает очень большое место.

Олицетворением собственнического мира в поэме «Нарспи» являются муж Нарспи Тахтаман и ее родители. Мигедер, отец Нарспи, известен в округе своим богатством, у него просторные коробки полны «серебра, сукна, холста», а

В закромах зерна — до крыши,
Не один такой амбар!
Масла, сыру, пива, меду
Не полны ли погреба?

Мигедеру свойственно патриархально-домостроевское понимание счастья, которое он видит в материальной обеспеченности и в чести, являющейся как бы наградой за богатство. Поэтому он хочет осчастливить свою дочь, выдав ее замуж за богатого Тахтамана. Достоинство человека он измеряет количеством земли, скота, хлеба и т. д. Желания дочери, ее мнение, ее чувства им не принимаются в расчет. Сватовство Нарспи напоминает сделку двух купцов — Мигедера и Тахтамана. Мольбам

и слезам дочери Мигедер не внемлет, довольный тем, что подыскал богатого зятя. Негодуя и осуждая поведение своих родителей, виновников своей несчастной доли, Нарспи говорит: «Деньги им милей, чем я».

Эгоизм, ханжество, черствость Мигедера и его жены раскрываются в ярких деталях. Отравив Тахтамана, Нарспи пришла к Сетнеру. Отец и мать зовут ее домой и, покуда есть богатство, обещают ей найти другого жениха. Их беспокоит не несчастная доля дочери, а людская молва, бросающая тень на их «доброе» имя:

Так меня ты осрамила!
Что все станут говорить?
«Не забудь про дочку, старый!»
Будут злобствовать, корить.

Отказ Нарспи следовать за ними приводит их в ярость, и они, не жалея родное дитя, проклинают его, обрекают сохнуть в курной избе:

Гибнуть, сохнуть вам, подобно
Сучьям голым, вечно тут!
По-собачьи жить, доколе
Ваши кости не сгниют!..

Эпизодами сватовства, встречи родителей с Нарспи в доме Сетнера Иванов хорошо раскрыл психологию собственника: враждебность к людям труда («чтоб мозолистой рукою нашу дочку не хватал»), душевную черствость и жестокость.

«Темному царству» собственников противопоставлены в поэме люди с иным пониманием счастья и долга. Это Сетнер и Нарспи. Искренность, честность, готовность помочь человеку, защитить человеческое достоинство, стремление к свободе и подлинному счастью, основанному на взаимной любви, отличает их от старшего поколения.

Нарспи отрицает мораль собственнического мира, несущую честным людям горе, беду, понимание счастья, основанное на деньгах. Она говорит отцу:

Все свое блаженство, счастье
Ты в одних деньгах искал.

Следуя за прогрессивной русской литературой в обличении мира лжи и ханжества, собственнических инстинктов, в критике социальных явлений, Иванов не

остается на позициях отвлеченного демократизма, что было характерно для некоторых чувашских писателей-демократов той поры, а занимает свою последовательную позицию. Он твердо нес знамя демократии и в годы реакции, когда и в русской литературе отмечается отход ряда писателей от передовых идей эпохи, разброд и шатание в рядах демократических писателей, а в чувашской литературе — прекращение почти всеми писателями-демократами своей литературной деятельности. К. Иванов выступил в эти годы с оптимистической поэмой «Нарспи», прославляя в ней веру в человеческий разум и силу, свободу и равноправие женщины, новые взаимоотношения между людьми и понимание счастья. Таким образом, К. В. Иванов явился продолжателем самых передовых, гуманистических традиций русской литературы и в трудные годы реакции оказался в первых рядах борцов за свободу, совершил высокий гражданский подвиг.

Решение проблемы счастья и свободы поставило К. Иванова перед необходимостью создания положительного героя из демократической среды. Поэта привлекал образ сильной натуры, готовой постоять за свое человеческое достоинство. Этот сильный характер, способный противостоять против своих врагов, Иванов искал среди простых людей, бедняков. Его герой не славится богатством, он может противопоставить своим врагам только могучую силу, ярость и сознание своего достоинства:

У красавца у Сетнера
Конь есть, славный ургамах,
Да с горячей кровью сердце,
Да еще старуха-мать.

Пара рук могучих есть,
Если враг затронет честь.

Героев, смело борющихся за свою свободу, честь и достоинство, много создано русской литературой, и они, естественно, подсказывали Иванову путь к созданию такого героя в чувашской литературе. Одним из таких герсев русской литературы, хорошо знакомых Иванову, был образ купца Калашникова из поэмы Лермонтова, над переводом которой поэт работал в те же дни, когда создавал поэму «Нарспи».

В предисловии к своему переводу Иванов дает свое толкование и понимание образа Калашникова:

«В обычной жизни он тих и скромн; когда жизнь мирна, мирен и Калашников; но сейчас у него, обещенного позором, нанесенным жене, душа клокочет, подобно бушующему морю»¹⁴.

К. Иванова пленила в этом образе смелость, позволившая герою вступить в схватку с царским любимцем, защитить свою честь и достоинство. «Если этот представитель третьего сословия еще не осмеливается поднять руку на царя, а только на его любимца, то тем не менее все там сводится к противопоставлению проснувшейся чести горожанина царским капризам, царской силе самодержавия»¹⁵, — писал А. В. Луначарский, высоко оценивая поэму Лермонтова.

По своему характеру и темпераменту герой Иванова Сетнер сходен с Калашниковым. Он был тих и спокоен, пока Нарспи была с ним. Но когда его разлучили с любимой, когда он узнал, что враг терзает его любимую, он, не боясь последствий, идет мстить Тахтаману. Понимание чести и достоинства роднит Сетнера с таким же сильным характером из демократической среды — Степаном Калашниковым.

Но герой Иванова Сетнер изображен в поэме как сын своей эпохи и своего народа. Ему присущи слабости, свойственные его сородичам темнота и суеверие, вера в божественное предопределение. Свое несчастье Сетнер видит в бедности, в предрассудках людей и в личном враге, отнявшем его счастье. Но со всеми этими бедами он все же справился бы, если б его доля не была предопределена свыше:

Усал ташман пётёччэ,
Тура сырни куранчэ.

Не помеха б враг, да, видно,
Так назначено судьбой.

Сетнер и Нарспи одни борются за свое счастье, но при этом Сетнер сознает, что уничтожение личного врага еще не сделает их счастливыми, потому что «есть

¹⁴ Константин Иванов. Собрание сочинений, Чебоксары, 1957, стр. 54.

¹⁵ М. Ю. Лермонтов в русской критике. Госиздат, М., 1951, стр. 272.

страшной: мир зла и мук». Поэтому даже их решительные действия не могли привести к положительному результату. В таком изображении сказалась верность поэта правде жизни, его реализм.

Поэма Иванова «Нарспи» — произведение реалистическое. В нём поэт правдиво и жизненно верно показал действия и переживания людей. Но поэму К. Иванова трудно отнести к какому-нибудь историческому периоду.

В поэме нет открытых классовых столкновений. Конфликт в ней строится на морально-этической основе, в развитии которого немалую роль играют социальные мотивы: нежелание Мигедера знаться с Сетнером из-за имущественного неравенства, собственнические инстинкты, свойственные богачам, и др. Мигедер — типичный представитель кулачества. Он очень богат, но поэт не показал в поэме, какими средствами и каким образом Мигедер составил свое богатство, к каким хищническим маневрам прибегал он ради накопления средств, то есть не дал его классовой характеристики. Поэт дает психологический анализ Мигедера, характеризуя его с нравственных позиций.

Конфликт Нарспи со своими родителями, затем с Тахтаманом есть свидетельство духовного роста чувашской женщины, что произошло под влиянием общественного движения в стране, роста самосознания народа. Это дает основание предполагать, что поэма отражает чувашскую деревню в период, предшествовавший революции 1905—1907 гг.

В поэме «Нарспи» К. В. Иванов умело пользуется достижениями метода критического реализма в русской литературе XIX века, создавая типические образы Мигедера, Сетнера и Нарспи. Наряду с этим он, конечно, воспользовался и опытом предшествующих ему чувашских писателей в создании реалистических типов. Поэт хорошо использовал для этого приемы внутреннего монолога, индивидуализации языка, создания выразительного портрета.

Язык его положительных героев показывает их моральную чистоту, эмоциональность натуры и чувство собственного достоинства. Нарспи говорит образным, выразительным, афористичным языком:

Не в богатстве благо; благо —
В человеке, в нем самом...

черты образа. Таковы портреты Тахтамана и Нарспи. Кроме того, отдельными штрихами, удачно использованными деталями Иванов выражает свои симпатии или антипатии к персонажу. Сравним эти портреты. С едкой иронией рисует он портрет Тахтамана, отрицательного героя поэмы:

Первым вылетел из леса
Зять наш славный Тахтаман.
Плосконосый, узкоглазый,
С рыжеватой бородой;
Искаженный быстрой скачкой
Енд разгневанный и злой.
Шапка рыжая с монетой,
Черный плисовый кафтан,
Лапти новые, онучи,—
Не жених, а красота!

Совершенно по-другому дан портрет Нарспи:

На лицо она прекрасна,
Как цветочек полевой.
Очи — черные агаты —
Блещут силой огневой.
Вьется локон своевольный,
От косы спускаясь вниз.
В лад с походкою девичьей
Раздается звук монист.
Лишь окинет парня взором —
Затрепещет сердце в нем;
Улыбнется — переполнит
Душу негой и теплом.

Сравнивая два портрета, мы легко узнаем, на чьей стороне симпатии поэта. Отношение автора к тому или иному персонажу выражено через ярко нарисованные художественные детали.

В композиции поэмы важное место занимает пейзаж. Описания природы связаны с жизнью и действиями людей. В начале поэмы пейзаж показывает время, когда разворачиваются события в поэме. Природа перекликается с настроением героев. Рисуя безмятежную жизнь людей, их радость с наступлением весны, поэт находит и в природе те же чувства и настроения:

Гомон птиц, радушный говор,
Ясный смех звенит вокруг.
И весенние напевы
Вдаль летят, лаская слух.

По-другому рисуется природа, когда в душе героев поэмы беспокойно. Сетнер узнал об издевательствах Тахтамана над Нарспи. Желая выручить Нарспи из-под гнета Тахтамана, он ночью идет через лес. Лес в это время шумит, гудит, деревья гнутся чуть не до земли. Природа бушует, вторя гневному чувству Сетнера. Она сливается с настроением Сетнера:

Все поет Сетнер, и буря,
Эту песню подхватив,
По глухим трущобам с плачем,
С завыванием летит.

Но вот в лесу встречаются две мятущиеся души. Сетнер встречает Нарспи, которая шла к нему после расправы с Тахтаманом. Встреча эта — для них неопишуемая радость. Разъяренные чувства Сетнера приутихли. А что же в это время происходит в природе? А вот что:

Встречу любящих с поклоном
Старый дуб благословил.
Ветер стих, и смолк лес темный,
Словно выбился из сил.
Тучи черные за лесом
Порассеялись вдали.
Птицы в гнездышках запели,
Солнце яркое палит.

Поэма «Нарспи» проникнута народно-поэтическими мотивами. В ней К. Иванов широко пользуется некоторыми жанрами устного поэтического творчества. Таковы загадки, песни, пословицы, поговорки, приметы. Все это органически вплетено в ткань поэмы, делает содержание поэмы и ее язык очень доходчивыми и выразительными. В смысле использования жанров устного поэтического творчества поэт следует русским писателям, в частности Пушкину и Некрасову, у которых народные элементы всегда тесно связаны со всей сюжетной основой, стилистической структурой произведения. Например, описывая работу Нарспи, К. Иванов использует загадки, приметы, аналогично тому, как Некрасов применяет их в своей поэме «Кому на Руси жить хорошо».

Чувашский литературный язык, хотя и образовался до начала литературной деятельности К. В. Иванова, был еще далеко не совершенным. В творчестве

К. В. Иванова чувашский литературный язык получил дальнейшую отшлифовку и оформление. Этому немало способствовала переводческая деятельность поэта. Если образование национального литературного языка есть неперемнное условие для возникновения и формирования реализма в той или иной национальной литературе¹⁶, то работа К. В. Иванова по созданию чувашского литературного языка имела большое значение в развитии реализма в чувашской литературе. «Реализм,— утверждает академик В. В. Виноградов,— как словесно-художественная система в литературе того или иного народа не может сложиться до образования соответствующего национального литературного языка...»¹⁷

Успехи К. В. Иванова не могли бы быть столь велики, если бы он отгораживался от достижений культуры других народов. Благодаря мастерскому использованию достижений метода реализма, созданного русской и мировой литературой, он сумел дать бесмертные образы Нарспи и Сетнера, нарисовать правдивые картины жизни чувашей в прошлом столетии, способствовать развитию критического реализма в чувашской литературе.

¹⁶ С. М. Петров. Реализм. Изд. «Просвещение», М., 1964, стр. 179.

¹⁷ В. В. Виноградов. О языке художественной литературы, Гослитиздат, М., 1959, стр. 466.